

DOI 10.25991/VRHGA.2022.23.1.004

УДК 348

*В. В. Баган**

ТЕОЛОГИЯ И КАНОНИЧЕСКОЕ ПРАВО

В настоящей статье содержится концептуальный анализ такой научной дисциплины, как каноническое право в системе богословского знания. Статья посвящена соотношению и взаимодействию науки теологии и науки канонического права. Также здесь показана сложность исследовательской темы генезиса и онтологии канонического права. Теологическая обусловленность канонического права никогда не вызывала особых сомнений; богословие определяло предмет, содержание и методологию канонистики. Вопрос наличия правовой обусловленности христианской канонистики всегда вызывал массу споров, особенно в протестантской среде. Комплексную картину взаимоотношений теологии и канонического права можно описать с помощью нескольких тезисов: теология как аксиологическая и этическая доминанта формирования канонического права; теология как источник категориальных и содержательных основ церковноправовой системы; осуществление каноническим правом социализации христианских императивов; обеспечение каноническим правом охранительной миссии защиты христианских основ веры. На основании анализа программных исследований крупнейших отечественных и зарубежных канонистов XIX–XX вв. (архимандрита Гавриила (Воскресенского), архимандрита Иоанна (Соколова), протоиерея Иоанна Скворцова, Н. К. Соколова, М. И. Горчакова, М. П. Альбова, М. А. Остроумова, Н. С. Суворова, И. С. Бердникова, П. А. Прокошева, А. С. Павлова, М. Е. Красножена, Н. А. Заозерского) представлена сложная картина взаимоотношений теологических дисциплин и науки канонического права. История канонического права делится на два этапа: 1) каноническое право как часть мало дифференцированного массива теологических наук; 2) каноническое право как самостоятельная учебная дисциплина, склоняющаяся к богословским либо юридическим наукам. Прослеживается изменение тематических приоритетов и ведущих исследовательских областей в процессе развития канонического права как богословской дисциплины с конца XVIII в. по настоящее время. В статье будут затронуты два проблемных поля: онтологическое (теологическая и правовая обусловленность канонического права) и церковно-историческое (учебная дисциплина «канонического права» и теологические науки). В заключении представлена концепция

* Баган Владислав Владимирович, кандидат богословия, кандидат юридических наук, доцент, Смоленская Православная Духовная Семинария; baganvlad@mail.ru

взаимодействия теологии и науки канонического права. Далее отражена сложность указанной проблематики при изучении состояния канонического права на современном этапе. В итоге в статье намечаются контуры неисследованных областей канонического права в целокупной системе богословского знания.

Ключевые слова: каноническое право, церковное право, теология, церковное законоведение, теория права, традиция интерпретации, онтология, ценностные основания.

V. V. Bagan
THEOLOGY AND CANON LAW

This article contains a conceptual analysis of such a scientific discipline as canon law in the system of theological knowledge. The article is devoted to the relationship and interaction of the science of theology and the science of canon law. It also shows the complexity of the research topic of the genesis and ontology of canon law. The theological conditionality of canon law has never raised much doubt; theology determined the subject, content and methodology of canonism. The question of the existence of a legal conditionality of Christian canonism has always caused a lot of controversy, especially in the Protestant environment. A complex picture of the relationship between theology and canon law can be described using several theses: theology as an axiological and ethical dominant in the formation of canon law; theology as a source of categorical and substantive foundations of the church system; implementation of the socialization of Christian imperatives by canon law; ensuring by canon law the protective mission of protecting the Christian foundations of the faith. Based on the analysis of the programmatic studies of the largest Russian and foreign canonists of the XIX–XX centuries (Archimandrite Gabriel (Voskresenskiy), Archimandrite John (Sokolov), Archpriest John Skvortsov, N. K. Sokolov, M. I. Gorchakov, M. P. Albov, M. A. Ostroumova, N. S. Suvorov, I. S. Berdnikov, P. A. Prokoshev, A. S. Pavlov, M. E. Krasnozhen, N. A. Zaozerskiy) presents a complex picture of the relationship between theological disciplines and the science of canon law. The history of canon law is divided into two stages: 1) canon law as part of a poorly differentiated array of theological sciences, 2) canon law as an independent academic discipline, leaning towards theological or legal sciences. The change in thematic priorities and leading research areas in the development of canon law as a theological discipline from the end of the XVIII century to the present is traced. The article will touch upon two problem areas: ontological (theological and legal conditionality of canon law) and church history (the discipline of «canon law» and theological sciences). In conclusion, the concept of interaction between theology and the science of canon law is presented. Further, the complexity of the specified problematic in the study of the state of canon law at the present stage is reflected. As a result, the article outlines the contours of the unexplored areas of canon law in the whole system of theological knowledge.

Keywords: canon law, church law, theology, church jurisprudence, theory of law, tradition of interpretation, ontology, value foundations.

Проблематика места канонического права в системе богословских наук остается до сих пор актуальной. Несмотря на давнюю историю существования сферы церковных канонов и норм, большая часть экспертного сообщества до сих пор затрудняется идентифицировать положение канонического права в системе теологического знания. В современной науке, по причине негативного влияния агрессивного секуляризма и порождаемых им мифов в отношении церковного нормативного универсума, тематика природы и онтологии канонического права (его системы, институтов и норм), в том числе вопросы его соотношения с теологией (а с другой стороны — с мирским, публичным правом), оказывается недостаточно объясненной. Ей совершенно недостает глубины. И названная

исследовательская область (взаимоотношения систематической теологии и канонического права, теологическая обусловленность канонического права, место канонического права в системе богословских наук) совершенно точно нуждается в дополнительной научной проработке. В этой статье мы поговорим о значении теологии для канонического права, и наоборот. В своем исследовании мы будем опираться на суждения отечественных ученых-канонистов рубежа XIX–XX вв.: Н. К. Соколова, М. И. Горчакова, М. П. Альбова, М. А. Остроумова, Н. С. Суворова, И. С. Бердникова, П. А. Прокошева, А. С. Павлова, М. Е. Красножена, Н. А. Заозерского и др. Тем не менее проблема идентификации «канонического права» не могла быть предметом комплексного изучения в дореволюционный период по вполне объяснимым причинам. В XIX в. «каноническое право» еще находилось на стадии своего теоретического оформления и лишь нащупывало собственные концептуальные рамки, и лишь в XX столетии «каноническое право» стало расцениваться как предмет научного анализа.

Каждый, кто приступает к изучению системы канонического права, будь то православного исповедания в России, католической или протестантской конфессиональной направленности в Западной Европе, с удивлением для себя обнаружит многообразие статей, публикаций, монографий, посвященных означенной теме. Более того, стоит отметить, что уже период в XVII–XVIII вв., с момента начала самостоятельного существования секулярных гуманитарных наук, зафиксирован факт заинтересованности в предметной сфере канонического права со стороны светских исследователей. Потребность в изучении канонического права довольно быстро перестала быть единоличной потребностью узкой прослойки рефлексирующих священнослужителей. С периода Нового времени каноническое право прекратило быть сферой исключительно клерикальных интересов, хотя несомненной является превалирующая роль церковного священства в вопросе толкования канонов, фиксируется теологическая обусловленность канонического права.

По словам западного канониста Ч. Донахью, история канонического права еще не представлена должным образом по разным причинам. Во-первых, почти двухтысячелетняя история христианства («Дидахе» I в. уже можно признавать памятником канонического права) предполагает гигантский массив церковноправовых свидетельств, многие из которых еще ждут научной интерпретации. Во-вторых, этот документальный массив канонического права до сих пор по-настоящему не систематизирован [38]. Как добавляет Джеймс Брандэдж, объем материалов огромен, и проблемы (юридические, теологические, экклезиологические, палеографические) — колоссальны. Мы должны понимать и то, что тема эта — наисложнейшая, чреватая срывами в богословские заблуждения, ошибки, искажения. Неслучайно Джеймс Брандэдж предупреждал исследователей канонического права относительно того, что «канонические воды, хотя и соблазнительны, могут быть коварными» [37, р. ix], и предупреждал историков, что «они должны быть готовы действовать осторожно, когда приступают к исследованиям, которые могут привести их к краю канонических отмелей» [37, р. ix].

По мнению современного западного исследователя Л. Орси, в области каноники, при устоявшихся ныне представлениях о четком различении бо-

гословия и канонического права, «так было не всегда» [40, р. 149]. В период Вселенских соборов вплоть до позднего Средневековья эти две дисциплины строго не дифференцировались и еще не обладали статусом законченного научного знания. Более того, данные сферы церковного знания «пересекались и смешивались» [40, р. 149]. Такие разные для современной церковной действительности проблемные поля, как доктринальное вероучение благодати (систематическая теология) и правовые нормы приема согрешивших в лоно Церкви (каноническое право), не рассматривались изолированно, и для святых отцов и учителей Церкви являлись органичной частью одной реальности [40, р. 149]. Таким образом, можно говорить о едином недифференцированном доктринальном поле, включавшем теологическую и церковноправовую проблематику.

Данная статья будет состоять из двух равноценных частей. Первый раздел будет посвящен фундаментальному утверждению теологической фундированности канонического права. Данный тезис подводит к другой проблематике: наличия или отсутствия правовой обусловленности христианской канонистики. Второй раздел будет связан с описанием канонического права как учебной дисциплины и его взаимодействием с иными учебными предметами теологического спектра (на примере отечественного дореволюционного духовного образования). Таким образом, будут затронуты два аспекта: онтологический (теологическая обусловленность канонического права) и церковно-исторический (каноническое право и теологические науки).

В начале представленной статьи мы обратимся к проблематике богословских и правовых оснований системы канонического права. Каноническое право, как богословская дисциплина, считалось производным от христианского вероучения, догматического богословия. Именно теологическая обусловленность канонического права не вызывает сомнений, ведь она определяет предмет, объект, содержание, методологию канонистики в общем. А вот правовой характер канонистики всегда вызывал бурю дискуссий. Начнем же мы с описания двух теологических искажений, связанных с наличием негативного фона и парадоксального опыта в отношении феномена канонического права.

Правовой характер канонистики на протяжении всей истории Церкви (особенно в период Реформации) вызывал эффект отторжения посредством ряда спиритуалистических доктрин, строго дифференцирующих закон и благодать, право и любовь, институцию и харизму. К примеру, М. Лютер отрицал зависимость канонического права от вероучительной доктрины, содержания Веры, и исключал возможность органической связи правовых и догматических элементов Церкви. Такая жесткая антитеза основывается на экклезиологическом бинаризме невидимой (духовной) и видимой (исторической) Церкви. Учитывая данное противопоставление, за каноническим правом отрицались спасительные качества. Либо каноническое право оценивалось с позиции социологии, как нечто пусть и необходимое, но по происхождению человеческое, без которого церковное сообщество не будет нормально функционировать. Такое понимание утвердилось в либеральной протестантской теологии и выразилось в классическом определении знаменитого немецкого канониста XIX столетия Рудольфа Зома о противоречии природы канонического права

природе Церкви: «У Церкви — духовная природа, у права — мирская» (цит. по: [13, с. 9]).

Каноническое право, в отличие, к примеру, от таинств Церкви, оценивалось как нечто «внешнее» относительно организма Церкви. Эта чуждость институции канонического права Телу Христову может обосновываться посредством двух противоположных концепций: экклезиологического спиритуализма и юридического позитивизма (см.: [13, с. 9–30]).

Первая концепция обусловлена лютеранской экклезиологией, по которой Церковь является местом исключительного действия Духа Святого. Резкое очерчивание границ Церкви благодатными дарами не позволяет фундировать каноническое право божественным источником. Лютеранская экклезиология не предполагает обязательств христианина перед исторической (видимой) Церковью, но лишь перед Богом. Она постулирует естественную связь человеческой совести с Божественной инстанцией. Сотериологический аспект остается правом невидимой (духовной) Церкви. В свою очередь, каноническое право остается сугубо человеческим предприятием, правовой институцией, имеющей целью регулировать жизнедеятельность христианских сообществ видимой (исторической) Церкви. Каноническое право не довлеет над совестью отдельного христианина. В каноническом праве заложена лишь социальная потребность в регуляции общественной жизни, не более того, как если бы христиане не были членами Тела Христова.

Вторая концепция, юридический позитивизм, редуцирует каноническое право до отдельного сегмента единой правовой системы. Она связана с т. н. юридическим «монизмом». Такое воззрение не позволит полноценно отделить каноническое право от государственного. Данная концепция не даст полноценного объяснения на теологический вопрос: обладает ли каноническое право Церкви сотериологическим потенциалом или нет? Юридический позитивизм сводит значение канонического права до уровня корпоративного права, части общего права, не соотносясь с богословским измерением и сотериологической миссией канонического права.

Среди католических интерпретаций канонического права существуют самые разнообразные богословские мнения. Современные трактовки каноники недалеко ушли от схоластического инструментария, определяющего предмет канонического права через понятия «справедливого», «добродетели справедливости». Также широко используется классический принцип, пришедший из философии права: «где сообщество, там и право» (*ubi societas, ibi ius*). К сожалению, с помощью таких абстракций очень трудно уловить теологическую специфику канонического права.

Наиболее оптимальная версия интерпретации канонического права предполагает, что в его основе богословская и юридическая природы, которые следует рассматривать неразрывно. Каноническое право зиждется на двух столпах: богословском и юридическом. Теология отражает специфику области канонического права: каждая из церковных норм отмечена в своем роде печатью церковности. Юриспруденция предполагает общие черты в системе христианских канонов и постановлений с категориями и институтами права в целом. Правильное соотношение компонентов теологии и права в канонике

позволят избежать возможной «юрисдикции» христианской веры и Церкви, и чрезмерной «теологизации» церковноправовых норм и установлений.

Еще с XIX в., ввиду трудности идентификации места канонического права в системе гуманитарных наук, возникла фундаментальная исследовательская дилемма: к чему ближе область канонического права — к теологии или юриспруденции? Сфера канонического права граничит как с богословскими, так и юридическими областями. Каноническое право оценивалось как специфическое направление теологии, причем теологии «правительственной» (раздел церковного устройства и управления). Частично каноническое право соседствует с систематическим богословием, с вводными темами в православное богословие [36, сс. 275, 276, 279]. Профессор церковного права, протоиерей Иоанн Скворцов отмечал разнообразие «правил и законов, употребляемых Церковью» [27, с. 11], по своей сущности церковных и церковно-гражданских, правительственных и судебных, богослужебных и нравственных. Всему этому своду правил необходима была строгая систематизация, которую можно было осуществить на основании принципов юридической науки. Каноническое право, как самостоятельная научная дисциплина, не могло оставаться в первоначальном виде свода законов. Оно должно оперировать определенными принципами и закономерностями, апеллировать к историческим и богословским аргументам. Профессор М. А. Остроумов отметил, что в развитии канонического права ожидается тупик без познания в теории права: «...не имея понятия о праве вообще, нельзя выяснить себе понятия о церковном праве в частности» [24, с. 2]. Для исследователя сам факт существования канонического права образуется на стыке богословского и юридического компонентов: «...содержание церковного права находится в ближайшем отношении к наукам богословским и юридическим» [24, с. 51–53]. А проблема уже заключается в степени их соотношения. Эта проблема корреляции юридического и богословского в каноническом праве в полной мере не снята до сих пор, по истечении столь большого срока.

Сложная картина взаимообусловленности теологии и канонического права может быть описана посредством отражения следующих позиций. Во-первых, теология, с точки зрения своей вероучительной составляющей, является аксиологической и этической доминантой развития канонического права. Теология выступает ценностно-нравственным фундаментом канонического права. Она задает категориальные и вероучительные рамки для канонического права, и является исходным носителем содержательного субстрата, позволяющим правильно понять и истолковать каноническое право. То есть теология вырабатывает парадигму оптимальной интерпретации церковноправовых прецедентов. Во-вторых, каноническое право осуществляет охранительную, защитную функцию теологических оснований, упреждая попытки расшатывания церковных основ и этического порядка, не позволяя силам хаоса нарушать незыблемые устои Церкви. Кроме того, каноническое право осуществляет функцию социальной актуализации вероучительных и этических императивов христианской Церкви. Такое вплетение церковных оснований в социальную ткань государства и общества осуществляется с помощью действия церковноправовых норм. Таким образом, каноническое право выступает способом

формализации теологических императивов и репрезентации их в доступной для понимания пользователей нормативной форме.

Далее обратимся к предметному обсуждению каждого представленного тезиса в отношении тематики взаимообусловленности теологии и канонического права.

Итак, как мы отмечали выше, теология является аксиологическим и этическим ориентиром становления канонического права. Она выступает ценностно-нравственным фундаментом системы канонического права и задает содержательные рамки, удерживая христианскую Церковь от обмирщения, воздействия мирской социальной напряженности, сохраняя церковный организм от влияния «модных трендов», идеологических установок и современных культурных тенденций. Дореволюционный профессор П. А. Лашкарев видит в основе канонического права Православной Церкви «глубокую христианскую и общечеловеческую древность» [20, с. 1]. Период становления вероучительной доктрины Православия (т. н. эпоха Вселенских соборов) профессор коррелирует с временным отрезком формирования церковноправовой системы: «...период образования положительного религиозного, или собственно-канонического права нашей церкви, это так называемый — период Вселенских соборов, открывшийся признанием за христианством прав религии государственной в империи Греко-римской при Константине Великом и закончившийся эпохой разделения церквей. Последний собор, постановления которого вошли в кодекс канонов Православной церкви, собирався в 879 году, т. е. тысячу с [лишним] лет назад. Тот же самый период был периодом образования и основного церковно-гражданского права нашей церкви... Соборы позднейшие обыкновенно только подтверждали и разъясняли, и лишь отчасти пополняли, постановления соборов древнейших; а соборы древнейшие переводили в законы положительные уже существовавшие предания и обычаи отцов» [20, с. 1]. Западный канонист Л. Орси отмечает доктринальную обусловленность канонического права: «...поле действия закона будет ограничено теологией, а не наоборот» [40, р. 151]. Церковноправовые нормы являются «инструментами, используемыми Церковью для достижения своей высшей цели и цели» [40, р. 151]. Онтология законов фундируется теологическими постулатами: «...каноническое право буквально уходит корнями в богословие» [40, р. 152]. Большинство церковноправовых концепций являются теологическими в узком понимании. «Окончателность канонического права снова определяется теологией: наука об открытии истины всегда будет защищать нашу правовую систему от простого юридического формализма» [40, р. 153].

Теология конструирует понятийные и содержательные рамки канонического права и является исходным носителем этического и вероучительного субстрата. Она вырабатывает методологию оптимальной интерпретации церковноправовых прецедентов. Сложность природы и онтологии канонического права обуславливается трудностью исторического погружения в канонические истоки христианской Церкви. Древность канонического права предопределяет специфическую многоступенчатость толкования, прежде всего с точки зрения телеологического и историографического аспектов. Как свидетельствовал святой Василий Великий, «древние догматы как-то особым образом внушают

благоговение, представляя в своей древности, как бы в некоей седине, досточтимый вид» (цит. по: [20, с. 2]). Выявить исходные значения и смыслы древних (тысячелетней давности) вероучительных истин и церковноправовых норм невозможно без знания фундаментальных этических и доктринальных положений Священного Писания и Предания, рефлексии святоотеческой теологии.

Теология образует концептуальные рамки онтологической канонического права, поэтому проникнуть в сущность и природу этой области можно только с помощью терминологического инструментария теологии. Некоторые авторы рассматривают каноническое право как по существу теологическое, а дисциплину канонического права как богословскую субдисциплину. Католический исследователь К. Х. Эррасурис Макенна утверждает, что в определенном смысле вся современная каноническая наука продемонстрировала богословский интерес в самом широком смысле, то есть тенденцию более четко определять место юридического в тайне Церкви [39, р. 71].

Каноническое право реализует охранительную миссию теологических основ, не позволяя расшатывать церковные основы и социальный миропорядок посредством оградительных церковноправовых норм и правил. Причем каноническое право по сути своей осуществляет контроль, что называется, «в режиме реального времени», достраивая церковноправовую систему сообразно вновь возникающим вызовам современности. По утверждению Дж. Брандэджа, каноническое право действительно было не только чрезвычайно ригористичным, сообразуясь с теологическим принципом «акрибии», но и институционально устойчивым (авторитет Церкви как этического императива государств). Каноническое право также являлось весьма искусно сконструированной системой права [37, р. ix]. Настоящий исследователь канонического права должен выходить за узкие рамки конкретного церковноправового материала на уровень правовых абстракций, которые укоренены в теологических постулатах и этических императивах. Лишь это дает возможность целостную систему канонического права, большей частью наполненную архаичными нормами, оставлять свежей и актуальной, отвечающей на нравственные вызовы современности. Горизонты исследовательского видения канониста должны расширяться за счет понимания и объяснения права с точки зрения христианских ценностей. Это расширение горизонта связывает каноническое право с другими областями церковной науки [41, р. 16–17].

Каноническое право занимается социализацией доктринальных и нравственных установок христианской Церкви. Данный процесс происходит с помощью введения и функционирования церковноправовых норм. Система канонического права осуществляет формализацию теологических императивов и репрезентацию их в доступной для понимания пользователей нормативной форме. По Л. Орси, теология и каноническое право «расходятся, потому что понять природу Церкви — не то же самое, что сформулировать правила для ее действий. Но связь сильнее расхождения, поэтому две науки не будут независимыми друг от друга. Прежде всего, теология будет и должна иметь абсолютный приоритет во всем. Многие юридические идеи являются не более чем выражением живой реальности в сухих и формальных терминах... Канонические концепции должны укореняться, освещаться, трансформироваться

и подниматься на сверхъестественный уровень с помощью теологических концепций. В то же время богословские идеи должны воплотиться в юридических институтах...» [40, р. 150–151]. Согласно Л. Орси, очень важен поиск (и главное — нахождение) правильной гармонии между теологией и законами, регулирующими жизнь церковного сообщества, — для его (сообщества) благополучия [41, р. 7]. Это чрезвычайно важно еще и для выстраивания надлежащих отношений между каноническим правом и правом государственным.

Итак, в первом разделе настоящей статьи мы обозначили следующие тематические поля: проблематика богословских и правовых оснований системы канонического права. Если теологическая обусловленность канонического права является незыблемым утверждением (теология детерминирует предмет, объект, содержание, методологию канонистики), то парадоксальный опыт оценки правовых оснований канонического права может привести к ряду теологических искажений. Далее мы обратились к основному вариантам решения проблематики взаимообусловленности теологии и канонического права. Сложная система взаимоотношений теологии и канонического права описывается посредством ряда утверждений. Теология является аксиологической и этической доминантой существования канонического права; она задает категориальные и содержательные его рамки, парадигму для оптимальной интерпретации церковноправовых прецедентов. Каноническое право осуществляет функцию социальной актуализации вероучительных и этических императивов Церкви с помощью действия церковноправовых норм. Оно осуществляет охранительную миссию христианских основ веры.

Далее, чтобы лучше раскрыть специфику взаимоотношений теологии и канонического права, обратимся к истории самой учебной дисциплины канонического права. История преподавания и изучения «канонического права» может помочь раскрыть множество характерных особенностей системы канонического права как в прошлом, так и в настоящее время. История дает нам возможность вскрыть фундаментальные принципы и концептуальные контуры этого специфического знания. Сделаем мы это на примере существования учебной дисциплины канонического права в дореволюционной России. Историю дисциплины канонического права можно условно разделить на два этапа: на первом этапе каноническое право представляло из себя часть слабо дифференцированного массива теологических наук, а на втором этапе — получило статус самостоятельной учебной дисциплины, склоняющейся либо к богословским, либо юридическим наукам.

Обратимся к отечественному опыту существования канонического права. На первом этапе, а именно до середины XIX века, еще отсутствовала система преподавания канонического права и обусловленность теологией канонического права была очевидна. Оно было органичной частью единого богословского учения. Не существовало канонического права как самостоятельной учебной дисциплины. До этого периода в рамках духовного образования полностью отсутствовала четкая дифференциация богословских дисциплин. В системе богословских дисциплин духовных учебных заведений XVIII в. не было четкого «логического разграничения между предметами догматическими и нравственными» [28, с. 140]. Сам метод преподавания теологии был основан

на грубой индоктринации — механическом заучивании основных теологических текстов. Таким образом, к рубежу XVIII–XIX вв. говорить о систематическом преподавании канонического права не приходилось. Более того, еще ранее на Руси каноническое право изучалось исключительно с практической целью [9, с. 390]. По замечанию И. С. Бердникова, преподавание и изучение канонического права на тот период времени заключалось «в практическом ознакомлении с правилами, действовавшими на практике и помещавшимися в Кормчей книге и богослужебных книгах» [8, с. XV]. Итак, до начала XIX века преподавание канонического права заключалось в критико-экзегетическом комментировании Кормчей книги.

Указ Св. Синода от 1798 г. установил своего рода стандарт содержания образования в духовных академиях и семинариях: «... в Богословском же краткую церковную историю, с показаниями главных эпох; герменевтику, систему догматико-полемического и нравственного богословия и Пасхалии; сверх того читать Священное Писание, с объяснением труднейших мест, да книги: Кормчую, и о должностях приходского священника; толковать публично по воскресным дням перед литургией Апостольские послания по правилам Герменевтики, с присоединением нравоучений» [25, с. 427]. В состав преподавания теологии вошло несколько направлений: «герменевтика, церковная история, пасхалия, пастырское богословие и каноническое право» [28, с. 296].

Таким образом, на начальном этапе своего существования богословская дисциплина канонического права представляла из себя последовательную экзегезу церковных правил из Кормчей. К этим толкованиям в рамках одного учебного предмета добавлялось изучение Книги о должностях пресвитеров приходских [17, с. 760], заменявшей тогда предмет пастырского богословия. Совмещение преподавания Кормчей и пасторологии («книги: Кормчую, и о должностях приходского священника» [25, с. 427]), связанное с государственным регулированием учебной программы посредством предписаний Указа Св. Синода от 1798 г., для того периода было вполне естественным. Разделы и фрагменты канонического права могли попадать в теологические дисциплины церковной истории, догматико-полемического и нравственного богословия и др. К началу XIX в. система канонического права еще не сформировалась, поэтому, как писал И. А. Чистович, познания в этой области «приобретались в Российской Церкви почти только частным упражнением любителей церковного благоустройства и опытом в церковных судилищах, а не наставлением в училищах духовных» [36, с. 422]. Каноническое право оставалось сферой начетнических интересов и практическим ответвлением церковного суда. Хотя уже намечались первые попытки систематизации знания канонического права.

Итак, проблема заключалась в отсутствии системы и организации знания. Поэтому возникла необходимость в создании отдельной дисциплины «Каноническое право», хотя сам церковноправовой материал уже имелся. Предметом канонического права были заповеди и законоположения Писания, каноны и постановления Соборов и святых отцов. Но весь этот материал предполагалось излагать системно и с критическим исследованием. Типичное учебное пособие должно было включать в себе несколько разделов: «предварительное понятие о церкви, соборах и предании, церковное чиноначалие, церковное

чиноположение, церковное домостроительство, церковное судопроизводство» [33, с. 125]. Причем преподавание теологии в духовных академиях имело четкую последовательность: богословие истолковательное и созерцательное; богословие деятельное; богословие обличительное, каноническое право [33, с. 125].

В 1814 г. ректором СПДА, архимандритом Филаретом (Дроздовым) был составлен авторский курс лекций по всему спектру богословских дисциплин, в том числе и по церковному праву [34]. Данное учебное пособие рассматривалось как вводное «обозрение» основных теологических предметов. Курс лекций создан как учебное пособие не только для СПДА, но и остальных высших духовных заведений. Раздел, посвященный в курсе церковноправовым вопросам, именовался «богословие правительственное или каноническое право» (цит. по: [8, с. XV–XVI]). В этот канонический раздел были включены типовые темы: вводные главы о Церкви, Св. Писании и Предании, Вселенских и Поместных соборах, понятия церковной власти, иерархии, управления, суда, а также семейное (брачное) право. То, что в составе богословских наук каноническое право занимало последнее место, автор объяснял его сугубо прикладным характером и вполне логичным отдалением от ядра и сущности «богословских знаний» (цит. по: [8, с. XV–XVI]).

Будущий митрополит Московский замечал в своем обозрении, что развитие канонического права в Российской Империи проходило через ознакомление с многочисленными собраниями канонов, то есть традиционная техника изложения церковноправового материала была «кумулятивной» (исследование антологий церковных правил, изложенных в хронологическом порядке их происхождения). Архимандрит Филарет оценивал такой способ познания церковного права «неудобным и недостаточным» [8, с. XV–XVI]. Он считал, что «потребно исследование и система» [34, с. 50–51]. Опыт архимандрита Филарета был не самостоятельным и обладал сугубо богословским характером, без отсылок к юриспруденции. Совершенно непонятно, насколько успешно использовались наработки архимандрита Филарета (Дроздова) по каноническому праву, учитывая тот факт, что первый полноценный учебник по этой дисциплине был издан лишь к середине XIX столетия.

Устав духовных академий 1814 г. предполагал слабую дифференциацию богословского курса. Последующее развитие высшего духовного образования предполагало введение множества отдельных богословских дисциплин, что противоречило целостности традиционного богословского курса. Богословский энциклопедизм (на примере митрополита Филарета), хотя и отличался фундаментальностью и основательностью, страдал отсутствием глубины и исследовательского анализа. Постепенно был задан тренд на выработку особой богословской методологии, теологической специализации и научного исследования именно в рамках духовно-образовательных учреждений. Начался поиск новой стройной системы богословских наук, в которой каноническое право должно было занять свое достойное место.

Вероучительная доктрина задавала тональность картине церковного устройства и христианского правосознания, тем самым задавала фундаментальные принципы канонического права. А. В. Горский разделял систему догматического богословия: «1) историю догматики, 2) учение о Боге и его

свойствах, 3) учение о Святой Троице, 4) учение о Боге как творце, 5) учение об Ангелах, 6) учение о человеке, 7) учение о Богородице, 8) учение о царском служении Иисуса Христа, 9) учение о таинствах, 10) учение о последних судьбах человека, мира и церкви» [28, с. 23].

Нравственное богословие было связано с каноническим правом сферой регуляции церковной жизни. Один из первых опытов создания самостоятельной системы нравственного богословия предполагал три тематических блока. Богословская «ифика» отвечала на несколько вопросов, касающихся состояния «невозрожденного» (ветхозаветного) и возрожденного (духовного, новозаветного) человека, средствах духовной жизни [28, с. 24].

Литургика, будучи дисциплиной, отвечающей за регуляцию общественных богослужений, также достаточно плотно контактировала с каноническим правом: «...литургика, излагающая и объясняющая церковное богослужение, дает понятие об образцовой стороне церкви, в которой выливается иногда правовая сторона церковных установлений, входящих в состав церковного права» [12, с. 40]. Литургика включала в себя две равноценные тематические части: регуляция составных частей христианского богослужения (обряды, таинства, чинопоследования); описание принадлежностей богослужения (храмовые здания, священные изображения, богослужебные книги) [22, с. 670].

Каноническое право естественным образом взаимодействовало с обширным блоком церковно-исторических наук. О взаимоотношениях церковно-исторических и юридических дисциплин писал И. С. Бердников: «Юрист поставляет задачей исследования определить природу известного юридического института, указать его основную форму и дальнейшие видоизменения ее под влиянием исторических условий... Историка интересуют бытовые условия, в которых действует известный институт и которые кладут на него известный отпечаток места и времени. Историк представляет институт в исторических лицах и картинах. Задача юриста важнее для выяснения природы известного правового института, т. к. он имеет дело с существенной стороной его... Тем не менее юрист не может оставлять без внимания факты, освещающие бытовую облик правового института. Историк же совсем не может обойтись при изучении и восстановлении бытовых черт известного правового института без ясного представления его законной конструкции» [7, с. 4].

Таким образом, большинство исследователей в области канонического права, как светских, так и церковных, фиксировали тесную связь данной дисциплины с богословскими науками. К примеру, архимандрит Иоанн (Соколов) постулирует эту взаимосвязь, основываясь, как ни странно, на развитой дифференциации теологических наук [18, с. 14]. Церковное право сосредоточено на теме фактического (организационного) существования Православия, а догматика в свою очередь занимается содержанием самих догматов, составляющих Православную веру [18, с. 15].

Итак, продолжительное расположение канонического права в единой недифференцированной богословской системе предопределило его тесные взаимоотношения с рядом богословских (догматическое и нравственное богословие, литургика) и церковно-исторических (церковная география и археология, пастырское богословие) дисциплин.

Среди общих работ по теологии, более всего поспособствовавших развитию канонического права как самостоятельной учебной дисциплины, нельзя не упомянуть труд митрополита Макария (Булгакова) «Введение в православное богословие» [22]. Владыка Макарий, будучи самым плодовитым писателем середины XIX столетия в Русской Православной Церкви, более известен как автор многотомника по истории РПЦ и учебного пособия по догматическому богословию, хотя он своим «Введением...» обеспечил и движение в области канонического права. Впервые эта работа увидела свет в 1847 г., но впоследствии, ввиду ее крайней востребованности, целых пять раз переиздавалась. Предметом канонического права митрополит Макарий считал «христианское управление», которое должно изучаться в трех направлениях: историческое обозрение развития права, анализ действующего права и сравнение с иноконфессиональными системами права [22, с. 672]. В дисциплине канонического права (церковного законоведения) Макарий (Булгаков) выделял два тематических ядра: внутреннее (правила церковного сообщества) и внешнее (взаимоотношения с иными сообществами) право Церкви. В конечном счете у Макария (Булгакова) складывалась трехчастная система канонического права, определившая структуры многих позднейших пособий по каноническому праву. Первый раздел был посвящен исследованию исходных религиозных прав и историческим основаниям церковноправовой системы. Второй раздел занимался изучением «внутреннего» права Церкви, куда входили внутрицерковные положения и установления (церковная дисциплина и канонические правила, регулирующие жизнь христиан). Третий раздел отражал «внешнюю» жизнь Церкви, в частности церковно-государственные и межрелигиозные отношения, взаимодействие с обществом. Таким образом, церковно-канонический материал включал в себя общие и вводные понятия дисциплины, а также «внутренние» и «внешние» аспекты жизни Церкви. Стоит отметить, что многие канонисты впоследствии брали за основу систему канонического права, предложенную митрополитом Макарием (Булгаковым) [26, с. 15].

Отцом науки «канонического права» в России следует назвать профессора богословия и канонического права в Казанском университете архимандрита Гавриила (Воскресенского). Предметом «церковного права» отец архимандрит считал церковное «внешнее благоустройство»: «...церковное право есть богословие, раскрытое в законах и законоправильных, а особенно обрядовых и таинственных действиях, составляющих видимую жизнь церкви» [11, с. 3]. Как первый отечественный ученый-канонист определял понятие новоявленной учебной дисциплины? «Церковное право есть наука о законах, принятых Апостолами, соборами, святыми Отцами и всею церковью во всегдашнее руководство при суждении о делах, суду церковному подлежащих, с тою целью, чтобы в обществе Христианском все благообразно и благочинно происходило» [11, с. 3]. Отец архимандрит представлял систему церковного права, состоящую из нескольких концептуальных областей: право церкви вообще, церковных лиц, церковных вещей, священнодействия, церковного судоустройства [11, с. 5–6]. Можно смело утверждать, что данное тематическое разделение стало впоследствии господствующим в дисциплине канонического права.

Со схожим определением предмета «церковного права» (точнее, «церковного законоведения») выступил архимандрит Иоанн (Соколов): «...изучение содержания церковных законов, изложение их в общей связи между собой и в систематическом порядке» [18, с. 9–10]. Подход Иоанна (Соколова) может охарактеризовать как «историко-герменевтический». Начальным предметом «церковного законоведения» являлось обозрение и изучение церковных источников, «церковного права и законов, как в историческом, так и каноническом смысле» [18, с. 10]. Далее необходимо исследовать «основные начала церковного права» [18, с. 11]. Завершающим элементом системы «церковного законоведения» было исследование действующих законов управления Церкви и изучение церковной практики [18, с. 11]. Конструкция системы церковного права в трактовке преосвященного Иоанна (Соколова) оставалась богословской «в широком смысле слова» [26, с. 49]. Тем не менее Иоанн (Соколов) понимал невозможность построения системы «церковного законоведения» без научного изложения канонического материала [18, с. 16].

Протоиерей Иоанн Скворцов отмечал, что предметом церковного законоведения могут быть как правила церковного происхождения, так и законы «церковно-гражданские» [27, с. 1–2]. Тем не менее трактовка отца Иоанна имеет сугубо богословский характер, так как он склонялся к обоснованию системы церковных канонов посредством богословских установок [26, с. 32].

В авторском учебном курсе Н. К. Соколова встречается иное определение: «...церковное право представляет собой тот внешний, необходимый, от личной воли независимый порядок, который должен господствовать в религиозном союзе, установленном для осуществления целей христианства. Таково понятие о праве церкви в объективном смысле. В смысле субъективном оно есть совокупность различных прав и обязанностей, принадлежащих членам церкви, сообразно с различным положением, занимаемым ими во внешнем церковном союзе» [32, с. 13]. М. А. Остроумов, следуя концептуальным работам Н. К. Соколова, определял понятие церковного права с точки зрения объективной и субъективной сторон: «Церковное право в объективном смысле есть совокупность независящих от частной воли членов церкви норм или правил, определяющих внутренние и внешние отношения церкви, как видимого общества, поскольку такие отношения служат целям существования церкви на земле. Система прав и обязанностей членов церкви, устанавливаемая определением этих отношений, есть церковное право в субъективном смысле» [24, с. 21]. Как признавался сам М. А. Остроумов, «характер системы церковного права постепенно изменяется, и она все более и более приобретает историко-каноническую конструкцию» [24, с. 92]. М. А. Остроумов ввел третичную церковноправовую систему: «публичное церковное право — нормы регулируют отношения внутри церковного общества как целого; частное церковное право — нормы регламентируют приватную жизнь верующих; общее церковное право — нормы регулируют деятельность отдельных корпораций, в частности, приходских общин или монастырей» [24, с. 43–44]. Необходимость создания «полной и цельной системы науки церковного права» [2, с. iv] отмечал в 1882 г. профессор богословия в Военно-юридической академии, священник Михаил Альбов. Отец Михаил задавался вопросом взаимоотношений бого-

словского и церковноправового компонентов в построении церковного права. Он считал, что содержательным элементом церковного права должен быть лишь юридический, а не догматический или богослужебный материал [2, с. 4].

П. А. Лашкарев отмечал «своеобразие» положения науки церковного права в ряду других юридических наук, и трудность задачи ее при ее наличном состоянии». В том числе потому, что нередко представлялось множество канонов об одном и том же предмете и трудно было объять все, что разными правилами было определено об одном и том же [20, с. iii; 167]. Лашкарев считал, что право Православной Церкви — исключительно греко-римское и византийское, поэтому в исследовании церковного права необходимо намеренно дистанцироваться от современных юридических принципов и теорий, и возвращаться к критериям античного права [20, с. 1–11]. Лашкарев следующим образом разъяснял свою позицию: «...наука права православной церкви... должна более или менее отрешать нас от установившихся в настоящее время юридических принципов и теорий, возвращать к воззрениям и принципам мира античного... В ряду других юридических наук... она должна уметь износить из своих сокровищниц ветхое перед лицом новых. Когда выделится она «архаизмом мудрости», она займет почетное положение и между другими юридическими науками» (цит. по: [6, с. 37]). Профессор И. С. Бердников рассматривал подобный подход как крайне устаревший и обращающий науку церковного права вспять [5, с. 43]. Все методологические недостатки работы Лашкарева связаны с концептуальной потребностью оставлять церковное право исключительно в рамках теологии [26, с. 72].

После выявления классических определений категории канонического (церковного) права, следует обратиться к вопросу о задачах этой дисциплины. Так что же входит в задачи канонического права? Архимандрит Иоанн (Соколов) писал, что главная задача церковного права «не сочинять законы для церкви, а только с благоговейным вниманием изучать положительные ее правила» [18, с. 19], поэтому главная задача — «изучить содержание церковных прав и законов, изложить их в общей связи между собой и в систематическом порядке» [18, с. 9–10].

Протоиерей Михаил Богословский видел задачу церковного права в «изложении прав и обязанностей, которые определяются положительными сторонами Церкви и законов, которыми выражаются, оберегаются и поддерживаются эти права и обязанности» [10, с. 1]. Протоиерей Михаил в своем опыте богословской дисциплины «канонического права» придерживался исключительно теологического направления и более всего сосредотачивался на проблематике вероучения и нравственности, в ущерб юридической науке. Причем эта тенденциозность была очень ярко выражена через конкретно-исторические темы, в частности: канонизация святых, отсылки к классическим примерам из агиографической литературы, повседневный церковный быт и его специфические аспекты, и пр. Такие содержательные разделы были не свойственны учебным пособиям по каноническому праву второй половины XIX столетия (см.: [10]).

М. И. Горчаков считал, что в отношении проблематики задач «церковного права» существует двойственное суждение на сей счет: «1) систематическое изложение всей совокупности норм устройства церкви, отправления, вну-

треннего управления и отношений ее к государству и другим общественным союзам; 2) выяснение внутреннего соответствия норм церковного права как с целями церкви, так и с положениями науки права вообще» [12, с. 27].

Н. А. Заозерский одну из своих концептуальных монографий завершает размышлением относительно задач научной дисциплины церковного права. Первостепенными задачами этой науки профессор Заозерский считал научную кодификацию канонов и систематизацию церковного права. Эти задачи осуществлялись на основании строгого исторического исследования источников церковного права [17, с. 141]. Самостоятельность церковного права как отдельной научной дисциплины обусловлена была двумя факторами: расположение норм церковного права в системе общего права и сравнительный анализ с иными юридическими и богословскими науками [17, с. 141].

М. Е. Красножен видел в церковноправовой области необходимость «построить систему основных законов церковного устройства, управления и жизни на основании собственных положительных церковных начал и собственных источников» [19, с. 10].

Итак, первоначальный период становления богословской дисциплины «канонического права» характеризуется изучением области источников церковного права. Также этому периоду свойственны были первые попытки построения системы «канонического права», выявления методологии этой богословской дисциплины. Теологическое направление учебной дисциплины «канонического права» предполагало, что центральной тематикой будет проблематика правового статуса Церкви. Богословский подход развития канонического права рассматривал как системообразующий компонент тему юридических состояний церковных организаций и их взаимоотношения с государством, обществом, социальными институтами.

Данная статья представлена двумя равноценными частями.

Первый раздел был посвящен обсуждению теологической и правовой фундированности канонического права. Вопрос наличия правовой обусловленности христианской канонистики всегда вызывал массу споров, особенно со времен Реформации в протестантской среде. Теологическая обусловленность канонического права никогда не вызывала особых сомнений по той причине, что богословие определяло предмет, содержание и методологию канонистики. Более того, можно говорить о феномене взаимообусловленности теологии и канонического права. Комплексную картину взаимоотношений (взаимообусловленности) теологии и канонического права можно описать с помощью следующих тезисов. Теология с точки зрения своей вероучительной составляющей является аксиологической и этической доминантой возникновения и развития канонического права. Теология задает категориальные и содержательные рамки для канонического права. Теология определяет парадигму для понимания и интерпретации церковноправовых прецедентов. В свою очередь, каноническое право осуществляет функцию социальной актуализации вероучительных и этических императивов христианской Церкви. Артикуляция христианской морали и догматики в социальной ткани общества осуществляется с помощью конструирования и функционирования церковноправовых норм. Более того, каноническое право осуществляет охранительную миссию защиты

христианских основ веры, упреждая попытки расшатывания церковных основ и этического порядка.

Второй раздел посвящен анализу феномена канонического права как учебной дисциплины, а также рассматривает его взаимодействие с иными предметами теологического спектра (на примере отечественного дореволюционного духовного образования). Специфика взаимоотношений теологии и канонического права отражается в особенностях преподавания учебной дисциплины канонического права. Экскурс в историю становления канонического права позволил понять фундаментальные принципы и концептуальные контуры этого специфического знания. Историю канонического права можно условно поделить на два этапа: 1) каноническое право как часть мало дифференцированного массива теологических наук; 2) каноническое право как самостоятельная учебная дисциплина, склоняющаяся к богословским либо юридическим наукам.

Таким образом, в представленной статье были затронуты два проблемных поля: онтологическое (теологическая и правовая обусловленность канонического права) и церковно-историческое (учебная дисциплина «канонического права» и теологические науки).

В настоящий момент тематика теологии и дисциплины «канонического права» мало интересует исследователей и, можно сказать, располагается вне плоскости актуальных интересов академического сообщества. Поэтому до сих пор существует потребность в комплексном анализе многих еще не решенных вопросов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алмазов А. И. Краткий курс церковного права. — Одесса: Лит. Фрейденберга и К°, ценз. 1889. — 214 с.
2. Альбов М. И., священник. Краткий курс лекций по церковному праву. — СПб.: Типография В. С. Балашева, 1882. — 249 с.
3. Аскоченский В. И. История Киевской духовной академии, по преобразовании ее в 1819 году. — СПб.: Типография Э. Веймара, 1863. — 282 с.
4. Акчурина Н. В. Историческое направление в русском правоведении XIX века: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. — Саратов, 2000.
5. Бердников И. С. Несколько слов по поводу рецензий на исследование профессора А. С. Павлова о 50-й главе Кормчей книги. Москва 1887. — Казань: Типография Императорского Университета, 1891. — 89 с.
6. Бердников И. С. Архаическое направление в церковном праве (Критический разбор сочинений проф. Киев. акад. П. Лашкарева: Право церковное в его основах, видах и источниках. Киев, 1886). — Казань: Типография Императорского Университета, 1896. — 50 с.
7. Бердников И. С. Рецензия на работу Ф. В. Благовидова «Обер-прокуроры Святейшего Синода XVIII — первой половины XIX столетия» (Казань. 1899). — Казань: Типография Императорского Университета, 1900.
8. Бердников И. С. Краткий курс церковного права православной церкви. — Казань: Типография Императорского Университета, 1903. — 324 с.

9. Благовещенский А. История старой Казанской духовной академии, 1797–1818 гг. — Казань: типография Императорского Университета, 1875. — 207 с.
10. Богословский М. И., протоиерей. Курс общего церковного права. — М.: Унив. тип. (М. Катков), 1885. — 156 с.
11. Гавриил (Воскресенский), архимандрит. Понятие о церковном праве и его история. — Казань: Типография Императорского Университета, 1844.
12. Горчаков М. И., протоиерей. Записки церковного права по лекциям, читанным профессором Императорского Санкт-Петербургского университета протоиереем М. И. Горчаковым, изданные студентами университета в 1893–1894 гг. — СПб., 1894.
13. Джероза Л. Каноническое право в католической церкви / Пер. с ит. Г. Вдовина. — М.: Христиан. Россия, [1999]. — 379 с.
14. Дорская А. А. Церковное право Российской империи XIX — начала XX вв. как отрасль права // История государства и права. — 2009. — № 9. — С. 34–37.
15. Дорская А. А. Церковное право в системе права Российской империи конца XVIII — начала XX вв.: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. — М., 2008.
16. Заозерский Н. А. Право Православной греко-восточной Русской Церкви как предмет специальной юридической науки. — М.: Тип. Волчанинова. — 144 с.
17. Знаменский П. В. Духовные школы в России до реформы 1808 года. — Казань: Типография Императорского Университета, 1881. — 807 с.
18. Иоанн (Соколов). Опыт курса церковного законовещения. Т. 1. — СПб.: Тип. Фишера, 1851.
19. Красножен М. Е. Краткий очерк церковного права. — Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1900. — 160 с.
20. Лашкарев П. А. Право церковное в его основах, видах и источниках. Из чтений по церковному праву П. Лашкарева. — СПб.; Киев: Оглоблин, 1889. — 213 с.
21. Лашкарев П. А. Система церковного права. — Житомир: Тип. и лит. насл. С. Бродовича, 1886.
22. Макарий (Булгаков), архимандрит. Введение в православное богословие. — Санкт-Петербург, 1884. — 486 с.
23. Никодим (Милаш), епископ. Православное церковное право: Сост. по общим церковно-юрид. источникам и частным законам, действующим в автокефальных церквях / Пер. с серб. [и предисл.] Мил. Г. Петровича. — СПб.: В. В. Комаров, 1897. — XX, 708 с.
24. Остроумов М. А. Очерк православного церковного права: Ч. 1. — Харьков: Тип. Губ. правл., 1893. — 672 с.
25. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг. / Под редакцией М. М. Сперанского. — СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
26. Прокошев П. А. Канонические труды Иоанна, епископа Смоленского. — Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1895. — [4], 389 с.
27. Скворцов И. М. Записки по церковному законовещению. — К.: Университетская типография, 1848. — 276 с.
28. Смирнов С., протоиерей. История Московской славяно-греко-латинской академии. — М.: Типография В. Готье, 1855. — 428 с.
29. Смыкалин А. С. Каноническое право (на примере Русской православной церкви XI–XXI вв.): учебное пособие. — М.: Проспект; Екатеринбург, Издательский дом Уральского государственного юридического университета, 2017. — 400 с.
30. Соколов Н. К. О судьбе науки церковного права (Вступ. лекция, чит. 15 нояб. 1867 г.). — М.: Унив. тип., 1868. — 14 с.

31. Соколов Н. К. О влиянии церкви на историческое развитие права. — М.: Унив. тип., 1870. — 103 с.
32. Соколов Н. К. Из лекций по церковному праву. Вып. 1–2. — Москва: Унив. тип., 1874–1875. — 2 т.
33. Титлинов Б. В. Духовная школа в России в XIX столетии: Вып. 1–2. — Вильна: Тип. «Рус. почин», 1908–1909. — 2 т. — 385 с.
34. Филарет (Дроздов), святитель. Обзорение богословских наук в отношении к преподаванию их в высших духовных училищах / Напечатано по определению Комиссии духовных училищ. — [СПб.]: в типографии И. Иоаннесова, 1814. — 56 с.
35. Цыпин В., протоиерей. Каноническое право // Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. — Т. XXX: Каменец-Подольская и Городокская епархия — Каракал. — М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2012. — С. 367–392.
36. Чистович И. А. История Санкт-Петербургской духовной академии. — Санкт-Петербург: Тип. Я. Третья, 1857. — [8], 458, IV с.; 24 см.
37. Brundage J. A. Medieval canon law. — New York: Routledge, 2013. — xii; 260 p.
38. Donahue-Jr. C. Why the history of canon law is not written. — London: Selden Society, 1986.
39. Errazuriz Mackenna C. J. Justice in the Church: A Fundamental Theory of Canon Law. — Montreal: Wilson & Lefleur Ltée, 2009. — P. 71.
40. Örsy L. M. Theology and Canon Law // The Furrow. — 1965, Mar. — Vol. 16. — № 3. — P. 149–153.
41. Örsy L. M. Theology and Canon Law — New horizons for legislation and interpretation. — Collegeville (Minnesota, USA): The Liturgical Press, 1992. — 211 p.